

П. Деларов

**Очерк истории личности в
древне-римском гражданском
праве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П. Деларов**
Очерк истории личности в древне-римском гражданском праве / П. Деларов –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 164 с.

ISBN 978-5-4241-4683-1

Очерк истории личности в древне-римском гражданском праве.

ISBN 978-5-4241-4683-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Общія замѣчанія	1
До-историческое время	20
Историческое время:	
I-ый періодъ (до первой пунической войны).	66
II-ой періодъ (до Августа и Лабеоны).	99
III-ій періодъ (до Александра Севера и Гереннія Модестина).	131
Заключеніе	151

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ ЛИЧНОСТИ

ВЪ

ДРЕВНЕ-РИМСКОМЪ ГРАЖДАНКОМЪ ПРАВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дикари, говорятъ, живутъ одними только ощущеніями, почти безъ всякихъ идей. Мы, наоборотъ, живемъ почти исключительно идеями. За послѣднія полторы тысячи лѣтъ мы обратились въ „дикарей мысли“, и такъ далеко отошли отъ міра ощущеній, что нетолько перестали ихъ воспитывать, дисциплинировать и развивать, а, напротивъ, начали ихъ забывать и ихъ почти стыдиться. Оттого-то и римское право намъ представляется „системою“, суммою логическихъ абстракцій и отвлеченныхъ идей, имѣющихъ мало общаго съ міромъ дѣйствительности или ощущеній, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ оно было суммою идей, нетолько выведенныхъ изъ сознательнаго и бессознательнаго наблюденія надъ этимъ міромъ, но еще и постоянно провѣряемыхъ и исправляемыхъ имъ. Die Sinne trügen nicht, das Urtheil trägt (Goethe). Въ этомъ его происхожденіи и контролѣ надъ нимъ—причина его величія и силы, его жизненности и свѣжести. Только въ силу этого корректива оно и было правомъ дома, рынка и площади, а не кабинета и канцеляріи, правомъ конкретно-чувственныхъ представленій, яркихъ и осязательныхъ, получающихъ свое питаніе изъ міра ощущеній, а не правомъ логическихъ абстракцій, безкровныхъ и блѣдныхъ, рѣющихъ въ воздухъ и не имѣющихъ ничего общаго съ матерью-землею. Не туманные образы дивой охоты древне-германскихъ сѣверныхъ сказокъ проносятся въ нежъ высоко надъ землею, а „свѣтлые образы пластическихъ еорій тихо проходятъ, одинъ за другимъ, какъ на древнихъ барельефахъ Ватикана“.

Оттого-то всякій историческій законъ юридической жизни на римскомъ правѣ видѣе, чѣмъ на какомъ-либо другомъ,—спутанномъ произвольными измышлениями канцелярской политики или обезкровленномъ логическими абстракціями кабинетной науки,—и оттого-то я остановился именно на римскомъ правѣ, чтобы попытаться показать дѣйствіе одного изъ великихъ законовъ исторической жизни права.

Такова исходная точка этой книги.

Еще два слова: о ея формѣ, о томъ „сукономъ“ языкѣ, которымъ она написана. Русскій юридическій, да и вообще научный, языкъ надо еще создавать: можетъ быть, это послужитъ мнѣ въ некоторомъ извиненіемъ. Говорить и писать гладко—очень нетрудно, если не заботиться о точности и полнотѣ выраженія. За легкость языка всѣ скажутъ спасибо, а точность его замѣтять очень немногіе. Оттого-то *ist der Glatten Legion*, какъ говорилъ старый Шлоссеръ. Во всякомъ случаѣ, да объяснить читателю эту форму не небрежностью или презрительнымъ отношеніемъ къ слогу, а мучительнымъ стремленіемъ выразиться математически полно и точно, высказывать словами алгебраическія формулы,—мучительнымъ потому, что при этомъ нерѣдко самъ сознаешь, что попадаешь въ ту погрѣшность, отъ которой предостерегалъ толковый древній учитель: *quae natura singularia sunt secant, nec tam plura faciunt quam minora; deinde quum fecerunt mille particulas in eandem incidunt obscuritatem, contra quam partitio inventa est* (Quintil. Inst. orat. IV, 5, § 25).

Павловскъ (Петерб. губ.).
19 февраля 1895 г.

Из обширной области истории личности вообще — области, охватывающей историю какъ частной, такъ и общественной и политической личности — настоящей очеркъ избираетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ отдѣловъ: историю личности въ римскомъ гражданскомъ правѣ, но ставитъ себѣ задачей не полное, детальное изложение предмета, предполагаемаго извѣстнымъ читателю, а предложеніе новой общей формулы его. Предметъ.

Подъ личностью, въ смыслѣ частнаго права, разумѣется субъектъ всей совокупности частныхъ правъ, могущихъ, по опредѣленіямъ объективнаго права, принадлежать человѣческой, естественной или искусственной, единицѣ. Такимъ образомъ, понятие личности обрисовывается понятіемъ суммы принадлежащихъ ей частныхъ субъективныхъ правъ, притомъ приобрѣтенныхъ и не приобрѣтенныхъ (въ техническомъ смыслѣ этого слова), дѣйствительныхъ и возможныхъ. Ближайшее
опредѣленіе
предмета: 1)
личность.

Такъ какъ понятіе личности дается субъективными правами, а субъективныя права составляютъ внутреннее содержаніе объективнаго, то очевидно, что понятіе личности опредѣляется объективнымъ правомъ и что исторія начала личности есть только часть такъ называемой внутренней исторіи объективнаго права.

Далѣе, такъ какъ понятіе личности очерчивается какъ приобрѣтенными, такъ и всѣми остальными правами, то необходимо обратить вниманіе на различіе тѣхъ и другихъ. Подъ приобрѣтенными (*jura quaesita, erworbene Rechte, droits acquis*) технически разумѣются только тѣ права, которыя лицо приобрѣтаетъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. субъектомъ которыхъ оно становится путемъ собственныхъ сознательныхъ и произвольныхъ дѣйствій. Подъ неприобрѣтенными правами разумѣются всѣ

остальные, т. е. тѣ, субъектомъ которыхъ лицо становится вслѣдствіе извѣстныхъ положеній или состояній (*ipso jure*) или вслѣдствіе постороннихъ, отъ него независимыхъ фактовъ (событій или дѣйствій другихъ лицъ). Личность, въ смыслѣ субъекта однихъ только пріобрѣтенныхъ правъ, носитъ названіе автономической личности, а принципъ, въ силу котораго она является субъектомъ этихъ правъ—частной автономіи *).

Наконецъ, такъ какъ понятіе личности опредѣляется не тѣми правами, которыя лицо *имѣетъ*, а тѣми, которыя оно *можетъ* имѣть, однимъ словомъ, всею его правоспособностью, то необходимо имѣть въ виду, что эта послѣдняя разумѣется здѣсь не въ узкомъ техническомъ смыслѣ гражданскаго права, т. е. не какъ особое и самостоятельное, притомъ личное право быть субъектомъ другихъ гражданскихъ правъ, но въ общемъ юридическомъ смыслѣ, какъ общая юридическая возможность быть субъектомъ тѣхъ или другихъ гражданскихъ правъ. Разница между тѣми и другимъ значеніемъ слова правоспособность заключается въ томъ, что лишь въ немногихъ и рѣдкихъ случаяхъ общая юридическая возможность быть субъектомъ того или другаго права возводится въ степень особаго спеціальнаго гражданскаго права, каковымъ является всякая конкретная или абстрактная правоспособность.

*) Отъ этого переноснаго смысла слова автономія отличается его прямой, непосредственный смыслъ. «Подъ автономіей, говоритъ Савинья въ своей Системѣ, разумѣется весьма своеобразное отношеніе въ развитіи германскаго права, состоящее въ субъективномъ правѣ германскаго дворянства и нѣкоторыхъ корпорацій самостоятельно опредѣлять свои внутреннія отношенія путемъ самопроизвольнаго законодательства» (VIII, 112 f.). Слѣдовательно, подъ автономіей въ этомъ смыслѣ разумѣется извѣстное спеціальное субъективное право, притомъ публичное. Тоже говоритъ Heinrich Brunner въ статьѣ объ автономіи въ Rechtslexicon Гольтцендорфа. Такой именно автономіи посвящены двѣ статьи Гербера: одна въ 37 томѣ Archiv für die civilistische Praxis, 1854, другая, составляющая дополнение къ ней, въ 3-мъ томѣ Jahrbücher Heering's и Gerber's, 1859. Въ переносномъ, гражданско-юридическомъ смыслѣ терминъ автономіи получалъ широкое распространеніе въ дивулистикѣ (напр. Jhering, Geist, II, Abth. 1, 140, Rudorff, Röm. Rechtsg. I, § 21, Brinz, Pandekten, I, 482 f., Esmarch, Röm. Rechtsgesch. 60).

Признакъ возможности, а не дѣйствительности субъективныхъ правъ для понятія личности особенно важенъ, ибо кругъ дѣйствительныхъ правъ субъекта зависитъ не только отъ объективнаго права, но и отъ дѣйствительнаго наступленія подлежащихъ вѣшнихъ фактовъ или состояній и не опредѣляетъ собою никакого юридическаго принципа, въ томъ числѣ и принципа личности; изученіе этого круга правъ лежитъ въ предѣлахъ статистики, политической экономіи и социологіи, но вѣдъ предѣловъ юриспруденціи; наоборотъ, кругъ возможныхъ правъ субъекта опредѣляется только содержаніемъ объективнаго права и изученіе его есть изученіе одного изъ принциповъ права, а слѣдовательно, одна изъ непосредственныхъ задачъ юриспруденціи. Потому-то выраженіе: увеличеніе или уменьшеніе суммы „возможныхъ“ субъективныхъ правъ единицы „путемъ объективнаго права“ заключаетъ въ себѣ, строго говоря, плеоназмъ, такъ какъ сумма возможныхъ правъ личности не можетъ увеличиваться или уменьшаться иначе, какъ путемъ измѣненія объективнаго права, въ отличіе отъ суммы дѣйствительныхъ правъ, которая измѣняется вслѣдствіе наступленія подлежащихъ юридическихъ фактовъ или состояній. Повсюду, гдѣ ниже не присоединено къ словамъ субъективныя права прилагательнаго дѣйствительныя, надлежитъ по этому разумѣть возможныя.

Задача настоящаго очерка—историческая. Она заключается, какъ уже сказано, въ томъ, чтобы вывести общую формулу тѣхъ измѣненій, т. е. тѣхъ суженій или расширеній, которыми подвергалась сумма правъ личности въ исторіи римскаго гражданского права, другими словами, тотъ законъ, по которому совершалось развитіе начала личности, притомъ не въ наукѣ и теоріи права, а въ самой юридической жизни и практикѣ. Докматическое исполненіе этой-же задачи, въ родѣ того напримѣръ, которое сдѣлано Е. I. Беккеромъ въ его статьѣ о субъектѣ правъ (въ XII томѣ *Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen Rechts*) лежитъ вѣдъ предѣловъ настоящаго очерка.

Далѣе, объектъ предлагаемаго опыта лежитъ исключительно

2) Исторія
римскаго
гражданскаго
права.

въ сферѣ римскаго права, разумѣя подъ нимъ право римскаго народа отъ того незапамятнаго, до-историческаго времени, когда племя Италиковъ, еще скрытое въ вѣдрахъ обще-арійскаго пра-народа, составляло одно цѣлое съ праотцами позднѣйшихъ Индусовъ, Иранцевъ, Славянъ, Литовцевъ, Германцевъ, Грековъ и Кельтовъ до того времени, когда наступила его національная смерть, приблизительно въ половинѣ третьяго вѣка послѣ Р. Хр., вслѣдствіе постепеннаго и медленнаго поглощенія римской національности чуждыми народностями: греческою, германскими и восточными. Приблизительно съ того-же времени, т. е. со смерти императора Александра Севера въ 235 г. н. Р. Хр. и послѣд-наго великаго римскаго юриста Гереннія Модестина (жилъ еще въ 244 году), начинается и продолжается въ разныхъ формахъ чуть не до нашихъ дней такъ называемая рецепція римскаго права народами и государствами, не имѣющими ничего или очень мало общаго съ Римомъ, изъ нихъ же первымъ была Византія, съ ея знаменитымъ авторомъ юридическихъ сборниковъ, учебниковъ, хрестоматій, императоромъ Юстиніаномъ *).

Въ настоящемъ очеркѣ изученію подлежитъ, какъ уже сказано, начало личности исключительно въ сферѣ частнаго, или гражданскаго права, т. е. личность, какъ субъектъ правъ личныхъ, семейственныхъ, вещныхъ, обязательственныхъ и наследственныхъ. Другими словами, эта задача ограничивается *jus privatum*, т. е. тѣмъ принужденіемъ коллективнаго организма надъ отдѣльными своими атомами, которое каждому изъ нихъ обеспечиваетъ его частное благо; она не распространяется на *jus publicum*, т. е. на то принужденіе, которое этимъ атомамъ обеспечиваетъ ихъ общее благо, глубокое качественное отличіе котораго отъ частнаго будетъ подробно изложено ниже.

Наконецъ, уже въ силу того, что задача эта принципиально устраняетъ разсмотрѣніе личности съ какой бы то ни было другой точки зрѣнія, кромѣ цивилистической, притомъ въ тѣсныхъ рам-

*) Ср. Kuntze, Cursus § 67.

какъ исторіи римскаго права, ясно, что къ ней не относится разсмотрѣніе личности, не только, какъ сказано выше, съ точки зрѣнія государственной и государственно-юридической, но еще болѣе съ точек зрѣнія экономической, религіозной, соціальной, философской и т. д.

Право, какъ непрерывный психическій процессъ, совершаю-<sup>Мѣсто пред-
мета въ юрис-
пруденціи.</sup> щійся въ коллективныхъ человѣческихъ организмахъ, можетъ подлежать непосредственному наблюденію отнюдь не въ своемъ цѣломъ, а лишь въ отдѣльныхъ своихъ моментахъ. Но эти послѣдніе могутъ быть изучаемы или какъ отдѣльные моменты всего процесса, или какъ весь процессъ съ своимъ прошлымъ и будущимъ, отражающійся въ каждомъ отдѣльномъ изъ нихъ. Вслѣдствіе этого, въ первомъ случаѣ они, по необходимости (т. е. вслѣдствіе самаго свойства изучаемаго въ нихъ матеріала), должны разсматриваться какъ самоцѣль, притомъ отдѣльно и разрозненно другъ отъ друга, а во второмъ случаѣ какъ средство къ цѣли и въ ихъ взаимной связи. Первое есть изученіе права анатомическое, статическое или догматическое, а второе — физиологическое, динамическое или историческое. Изъ этого опредѣленія догмы и исторіи ясно, что цѣльный рядъ догматикъ, слѣдующихъ одна за другой, все же не составитъ исторіи и что историческое изученіе единого момента все же не будетъ догматикой.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ право подлежитъ изученію по своему виду (внѣшнему и внутреннему), психической природѣ и условіямъ. (На теперешней, описательной своей ступени наука права почти совершенно упускаетъ изъ вида послѣднія двѣ рубрики). Изученіе внутренняго вида права, или его содержанія, и есть изученіе юридическихъ отношеній, т. е. обязанностей и соответствующихъ имъ субъективныхъ правъ, по ихъ тремъ основнымъ признакамъ: субъектамъ, внутреннему содержанію, возникновенію и прекращенію. Изученіе субъектовъ въ догмѣ римскаго права есть первый отдѣлъ такъ называемой общей части гражданскаго права, о лицахъ. Изученіе того же

вопроса въ исторіи и есть исторія личности, т. е. предметъ настоящаго изложенія.

Методъ. За вопросомъ о томъ, что изучать всегда слѣдуетъ вопросъ о томъ, какъ изучать, за вопросомъ объ объектѣ — вопросъ о методѣ изученія. Путь, которымъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней идетъ наука, насколько она занимается положительнымъ правомъ, есть путь *описанія, наблюденія, эмпирическаго накопленія фактовъ* и лишь въ настоящее время онъ начинаетъ постепенно обращаться въ путь *ислѣдованія, анализа, теоретическаго вывода законавъ*. Описаніе относится къ изслѣдованію не какъ равная величина къ равной, или самостоятельная къ самостоятельной, а какъ низшая ступень къ высшей, какъ первая, начальная часть пути къ второй, послѣдующей и если изучающій стоитъ на этой первой ступени или двигается по этой начальной части пути, то происходитъ это не вслѣдствіе какой-либо случайности или неспособности его подняться выше или идти скорѣе, а вслѣдствіе того, что *сумма наблюденій или описаній еще слишкомъ мала для превращенія описанія въ изслѣдованіе*. Стоитъ увеличиться этой массѣ наблюденій до известной степени, которую мы конечно математически опредѣлить не можемъ, чтобы эта метаморфоза совершилась какъ бы сама собою. Чѣмъ меньше наблюденій, тѣмъ болѣе они выступаютъ на первый планъ, чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ менѣе они бросаются въ глаза, ибо *implicite* заключаются въ общихъ формулахъ и законахъ. Наука права, какъ сказано выше, и по нынѣ стоитъ на почвѣ описанія какъ въ догмѣ, такъ и въ исторіи. Этотъ описательный характеръ выражается, во-1-хъ, въ томъ, что и въ догмѣ и въ исторіи право изучается только по своему виду, внѣшнему (правопроизводящимъ субъектамъ, или источникамъ права, и внѣшнему проявленію его) и внутреннему, или содержанію (количественному и качественному), и вовсе не изучается по своимъ психическимъ свойствамъ и по своимъ условіямъ, или причинамъ и во-2-хъ), въ томъ, что и въ догмѣ и въ исторіи мы встречаемся лишь съ разрозненными явленіями, безъ того (такъ какъ и